

Путешествия Гулливера

Про книгу

Известный сатирический роман английского классика Джонатана Свифта о замечательных и захватывающих приключениях Лемюэля Гулливера, отличного судового врача, который попадает в чудные земли и знакомится с необычными людьми — великанами и лилипутами. Вступает с ними во взаимоотношения, постигает их жизнь, попадает в различные необычные и смешные ситуации, кого-то лечит, спасается, учит и чему-то учится сам.

Веселая, занимательная, трогательная и поучающая, заставляющая задумываться над взаимоотношениями, ситуациями и жизнью в целом, история полюбилась всеми — и взрослыми, и детьми. Ее перечитывают вновь и вновь с удовольствием!

Библиотека приключений

Дж. Свифт

ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА

СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

✦ Библиотека приключений

Библиотека приключений

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА
Харьков
2010

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2013

ISBN 978-966-14-7437-5 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Свифт Дж.

С24 Путешествия Гулливера [Текст] / пер. с англ. П. Канчаловского и В. Яковенко ; предисл.
А. Климова ; оформл. серии М. Курдюмова ; худож. М. Курдюмов. — Харьков : Книжный
Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2010. — 240 с. : ил. — (Серия «Библиотека
приключений»).

Перевод с английского:

«The Travels into Several Remote Nations of the World by Lemuel Gulliver, first a Surgeon, and then
a Captain of Several Ships» by Jonathan Swift

Переводчики *П. Канчаловский и В. Яковенко*

В оформлении обложки использована иллюстрация *Михаила Курдюмова*

Оформление серии *Михаила Курдюмова*

Художник *Михаил Курдюмов*

Иллюстрации выполнены по мотивам иллюстраций Т. Мортена, гравировка Линтона Купера

ISBN 978-966-14-0560-7 (серия).

ISBN 978-966-14-7437-5 (EPUB).

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2010

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2010

ББК 84.4ВЕЛ

Ложь, которую разрушил Свифт

Джонатана Свифта (1667—1745), священнослужителя и литератора, автора поэм, ядовитых сатирических памфлетов и великой книги «Путешествия Гулливера», кое-кто из современников считал человеком, оскорбившим Создателя. И не потому, что декан (настоятель) дублинского собора Святого Патрика посмел усомниться в Его существовании, а потому, что сумел трезво и насмешливо показать человечеству, насколько безосновательны его потуги гордиться собой.

Самомнение, алчность, жажда власти, корыстолюбие, лицемерие, глупость, безрассудство и несправедливость во всем своем безобразии предстали перед читателями и были осмеяны так, как это не удавалось никому другому.

Свободное слово, неистощимая выдумка и язвительный юмор нанесли жестокой и безумной эпохе страшный удар — с нее были сорваны сверкающие покровы благопристойности, под которыми обнаружились пустота и ничтожество власть имущих, продажность их приближенных и невежество черни.

«Написано ради общего совершенствования рода человеческого» — таким подзаголовком сопровождал Свифт один из своих памфлетов, и эти слова можно отнести ко всему творчеству английского писателя. Его фантазия и изобретательность поистине неистощимы, на каждой странице «Путешествий Гулливера» можно найти десятки саркастических намеков на действительно происходившие события...

Но суть даже не в этом.

Роман «Путешествия Гулливера» и сегодня остается необыкновенно важной, значимой книгой, потому что каждый, кто даст себе труд

внимательно его прочитать, увидит мир совершенно другими глазами — без лживых мифов и фальшивых масок.

Джонатан Свифт родился в Ирландии, в семье, которая в годы гражданской войны, разразившейся в Англии в XVII в., переехала из Кентербери в Дублин. Его отец, мелкий судейский чиновник, умер еще до рождения мальчика, оставив семью в крайне бедственном положении, и в детстве будущий писатель узнал всю тяжесть нищеты и отчаяния.

Воспитанием мальчика занимался его дядя Годвин, с матерью юный Джонатан встречался очень редко. Благодаря помощи дяди Свифту удалось окончить школу и поступить в Тринити-колледж Дублинского университета, из которого он вынес не только первую ученую степень — бакалавра, — но и глубокие сомнения в мудрости современной ему науки.

Тем временем гражданская война пришла и в Ирландию, и Джонатан Свифт отправился в Англию, чтобы стать секретарем знаменитого дипломата Уильяма Темпла. Темпл, сам незаурядный писатель, сумел по достоинству оценить выдающийся литературный талант своего помощника и на протяжении долгих лет оказывал ему помощь и поддержку в житейских делах.

Именно в эти годы Свифт уверенно входит в литературу — сначала как поэт, а затем и как автор блестящих сатирических повестей-притч. Материал для них зачастую давали застольные беседы гостей его высокопоставленного покровителя, среди которых были именитые сановники, аристократы и даже сам король Вильгельм.

В 1692 г. Свифт получил степень магистра в Оксфорде, а спустя два года принял духовный сан и стал приходским священником англиканской церкви в глухом ирландском поселке Килрут. Однако ненадолго — вскоре он вернулся на службу к своему покровителю. Через несколько лет, после смерти Темпла, отсутствие средств заставило Свифта заняться поисками новой должности.

Длились эти поиски так долго, что Свифт успел очень близко познакомиться с нравами, царившими при английском дворе. Лишь в 1700 г. он был назначен служителем собора Святого Патрика в Дублине — и в этом же году опубликовал несколько ярких,

ироничных, острых и бескомпромиссных памфлетов. Как и все остальные произведения писателя, они выходили под различными псевдонимами, но в Ирландии не было человека, который бы не знал, кто их автор.

В 1702 г. Свифт получил степень доктора богословия. В это время он часто бывал в Англии, завел знакомства в литературных кругах.

В 1714 г. Свифт стал настоятелем собора Святого Патрика. Эта видная церковная должность не только значительно улучшила его материальное положение, но и дала возможность вести борьбу за политическую независимость Ирландии — прямо с церковной кафедры. И он воспользовался ею для гневных выступлений против несправедливости, царящей в обществе, национального угнетения и религиозного фанатизма протестантов-пуритан.

Обращаясь к своим соотечественникам- ирландцам, Свифт писал: «Всякое управление без согласия управляемых есть самое настоящее рабство... По законам Бога, природы, государства, а также по вашим собственным законам вы можете и должны быть свободными людьми, как ваши братья в Англии».

Памфлет «Письма суконщика», написанный в 1724 г., призывал ирландцев к бойкоту английских товаров и английской монеты и мгновенно разлетелся по всей стране многотысячным тиражом. Британские власти назначили премию тому, кто укажет автора «злонамеренного» памфлета, однако она так и осталась неврученной. Был отдан под суд печатник «Писем суконщика», однако присяжные его оправдали. Премьер-министр предложил английскому наместнику арестовать «подстрекателя», но ответом ему было: «Для этого понадобится целая армия».

С того времени англиканский священник Джонатан Свифт стал в католической Ирландии национальным героем и лидером освободительного движения. Его портретами украшали улицы Дублина, и повсюду, где он появлялся, его встречали восторженными приветственными криками.

При соборе Святого Патрика настоятель учредил фонд помощи жителям Дублина, многие из которых находились на грани разорения из-за грабительской политики английских властей, причем Свифт

не делал никаких различий между прихожанами англиканской церкви и католиками.

И одновременно в тиши его кабинета страница за страницей рождались «Путешествия Гулливера»...

В 1726 г. вышли первые два тома романа, а через год — еще два. Необычный сюжет, смелая фантазия автора, удивительно точные и продуманные описания впечатлений героя о странных народах — лилипутах и великанах, лапутянах и гуигнгнмах — буквально заворожили читателей.

Самые простодушные поначалу восприняли книгу как правдивое жизнеописание, более искушенные — как смешную и забавную сказку, и лишь немногие, самые проницательные, сразу догадались, что в фантастических приключениях доктора Лемюэля Гулливера скрыты глубочайший смысл и беспощадная сатира на английские нравы, политику и законы. Выдуманные Джонатаном Свифтом слова «лилипут» и «йеху» вскоре вошли во все европейские языки, включая и наш.

Книга, едва появившись на свет, стала пользоваться ошеломляющим успехом, который можно сравнить только с успехом романа Даниэля Дефо «Жизнь и невероятные приключения Робинзона Крузо», опубликованного на семь лет раньше. За несколько месяцев «Путешествия Гулливера» трижды переиздавались. Вскоре почти во всех странах Европы появились переводы этой книги. Появились подражатели, пытавшиеся продолжить рассказ об удивительных путешествиях героя, но имена их ныне забыты, а слава Свифта растет с каждым годом. В наше время «Путешествия Гулливера» входят в сотню самых читаемых книг в мире.

В 1729 г. писателю было присвоено звание почетного гражданина Дублина, в его честь был основан «Клуб Суконщика», который существует и в наши дни.

Из уст в уста передавалась легенда о том, будто бы Свифт — потомок древних ирландских королей, явившийся возродить страну.

Авторитет настоятеля собора Святого Патрика был необычайно велик. Когда однажды перед собором собралась огромная толпа взволнованных горожан, с нетерпением ожидавших предсказанного астрономами затмения Солнца, Свифт, раздраженный невероятным

шумом, велел передать зевакам, что настоятель отменяет затмение. После этого толпа угомонилась и в почтительном молчании разошлась.

Последние годы жизни Свифта были омрачены тяжелой болезнью и почти полной потерей способности работать. Он утратил речь, был частично парализован. В 1745 г. прославленный писатель скончался.

На мраморной плите над его могилой в соборе Святого Патрика начертаны слова: «Здесь покоится тело Джонатана Свифта, декана этого собора, и суровое негодование больше не разрывает его сердце».

Часть первая

Лилипутия

Глава 1

Наша семья владела небольшим поместьем в Ноттингемшире; я был третьим из пяти сыновей. Отец отправил меня, четырнадцатилетнего, в колледж Св. Эммануила в Кембридже, и на протяжении двух с половиной лет я усердно грыз гранит науки. Однако моему отцу, имевшему весьма скромное состояние, стало трудно оплачивать обучение, и он забрал меня из колледжа. Было решено продолжить мое образование у мистера Джеймса Бетса, знаменитого лондонского хирурга. Там я и прожил следующие четыре года. Небольшие деньги, которые изредка посылал мне отец, я тратил на изучение навигации и математики — мне очень хотелось в будущем стать путешественником. Медицинское образование я завершил в городе Лейдене, где провел более двух лет; вся моя родня — в особенности отец и дядя Джон — помогли в осуществлении моей мечты: стать судовым врачом и посвятить жизнь дальним морским странствиям.

По возвращении из Лейдена я, по рекомендации моего доброго учителя мистера Бетса, нанялся хирургом на судно «Ласточка», ходившее под командованием капитана Авраама Паннелла. С ним я проплавал три с половиной года, совершив несколько путешествий в Левант¹ и другие страны.

¹

Левант — общее название стран восточной части Средиземного моря, центр торговли между Западом и Востоком. (Здесь и далее примеч. ред.)

Вернувшись в Англию, я принял решение на время поселиться в Лондоне и поработать практикующим врачом, что одобрил и мистер Бетс, который всячески мне содействовал в этом начинании. Пациентов я принимал в небольшом доме неподалеку от Олд-Джюри, где проживал и сам, дела мои пошли неплохо, и вскоре я женился на мисс Мери Бертон, младшей дочери мистера Эдмунда Бертона, чулочного торговца с Ньюгейт-стрит. Моя невеста была милой и разумной девушкой с приданным в четыреста фунтов стерлингов.

Спустя два года доктор Джеймс Бетс умер; друзей в Лондоне у меня оставалось немного, заработок мой значительно сократился. Совесть не позволяла мне подражать шарлатанству некоторых моих коллег, и я начал подумывать о прекращении медицинской практики. Посоветовавшись с женой и знающими людьми, я решил снова отправиться в море.

Я был хирургом сперва на одном, а потом на другом торговом судне и в продолжение шести лет совершил несколько путешествий в Ост- и Вест-Индию, что несколько поправило мое финансовое положение. Уходя в море, я запасался книгами и все свободное время посвящал чтению; на берегу же изучал нравы, обычаи и языки туземцев, что при моей отличной памяти давалось мне легко. Последнее из этих плаваний было не слишком удачным, и я, утомленный морскою жизнью, решил больше не покидать жену и детей.

Мы перебрались из Олд-Джюри на Феттер-лейн и уже оттуда в Уоппин, поближе к гавани, где я надеялся рано или поздно получить выгодное предложение, но эта надежда оправдалась не скоро. Спустя три года мне наконец повезло — капитан Уильям Причард, хозяин судна «Антилопа», предложил мне место на своем корабле. Четвертого мая 1669 года мы снялись с якоря в Бристоле, и начало нашего плавания в южные широты Тихого океана оказалось в высшей степени удачным.

Однако при переходе от Магелланова пролива к Ост-Индии наше судно было отброшено страшной бурей к северо-западу от Вандименовой Земли². Двенадцать членов экипажа умерли, здоровье остальных было подорвано переутомлением и скверной пищей. Пятого ноября — в Южном полушарии как раз начиналось лето — стоял густой туман, но сильный ветер не утихал, и вахтенный слишком поздно заметил опасность. Корабль швырнуло на скалы, и он мгновенно разбился в щепки.

²

Вандименова Земля (Земля Ван-Димена) — первоначальное название острова Тасмания, использовавшееся европейскими исследователями и переселенцами.

Шестерым из экипажа, и мне в том числе, удалось спустить шлюпку, чтобы попытаться добраться до берега. Сидя на веслах, мы отчаянно боролись с волнами на протяжении трех миль, пока с севера не налетел шквал, опрокинувший нашу лодку. Я вынырнул и поплыл к видневшейся в отдалении земле, подгоняемый ветром и приливом. Что случилось с моими товарищами, как и с теми, кто тщетно искал убежища на скалах, о которые разбился наш корабль, мне так и осталось неизвестным...

По мере того как приближалась земля, волны становились все меньше, ветер стихал. Наконец мои ноги коснулись дна, но пришлось брести по воде более мили, прежде чем я выбрался на берег. По моим предположениям, это случилось около девяти часов вечера. Преодолевая слабость, я прошел еще около полумили, но так и не увидел никаких признаков жилья. Я очень устал, ноги отказывались мне служить, меня одолевал сон. В конце концов я улегся на короткую шелковистую траву и заснул так крепко, как не спал никогда в жизни.

Когда я проснулся, было уже совсем светло. Однако ни подняться, ни сдвинуться с места я не смог. Я уснул на спине, а теперь оказалось, что руки и ноги словно прикованы к земле, волосы же мои, густые и длинные, как бы приклеились к траве. От подмышек до бедер я был опутан множеством тонких бечевок. Голову повернуть не удавалось, и я мог смотреть только в небо; солнце жгло мое лицо и слепило глаза. Вокруг бурлила какая-то деятельная жизнь, однако положение, в котором я находился, не позволяло понять происхождение странных звуков.

Вскоре я почувствовал, что по моей левой ноге движется что-то живое, осторожно пробирается ко мне на грудь и приближается к подбородку. Опустив глаза, я с трудом разглядел человеческое существо ростом не более шести дюймов, в руках которого находился крохотный лук, а за спиной — колчан. И тут же я понял, что вслед за этим существом по моему телу движется множество подобных созданий. От удивления я так громко вскрикнул, что незваные гости в ужасе бросились врассыпную и попадали на землю, однако не прошло и пяти минут, как они снова вернулись. Один человек отважился совсем близко подобраться к моему лицу, изумленно

всплеснул ручонками и что-то громко прокричал остальным. Я не понял ни одного слова.

Представьте, в каком положении я находился все это время — неподвижно распластанный на земле и не имеющий возможности даже пошевелиться. В конце концов мне посчастливилось, сделав огромное усилие, порвать несколько бечевок и выдернуть колышки, к которым была привязана моя левая рука. Только поднеся ладонь к лицу, я понял, на какие хитрости пустились эти существа, чтобы связать меня. Резким рывком, причинившим мне нестерпимую боль, я несколько ослабил веревки, державшие в плену мои волосы, что позволило повернуть и немного приподнять голову. Однако мне не удалось схватить никого из человечков, потому что они мигом пустились наутек. Я услышал их пронзительные вопли и тут же почувствовал, что в мою левую руку впиваются сотни острых, словно швейные иглы, стрел. У меня было такое чувство, будто я попал в осиное гнездо, — несколько стрел вонзились мне в лицо, которое я поспешил прикрыть освободившейся рукой. Как только этот колючий ливень утих, я застонал от боли и бессильного гнева и вновь попытался освободиться, однако последовала новая атака лучников; вдобавок мучители кололи мои бока пиками и копьями. К счастью, их наконечники не могли пробить кожаную куртку, которая была на мне. Решив, что лучше не сопротивляться и спокойно дожидаться наступления темноты, я вытянулся на траве. Ночью, подумал я, мне удастся освободиться от пут, а что касается этих маленьких злобных вояк, то уж с ними я как-нибудь справлюсь.

Однако судьба распорядилась иначе. Как только человечки заметили, что я успокоился, они немедленно прекратили обстрел; тем временем шум вокруг меня нарастал, и я догадался, что численность захвативших меня в плен созданий возрастает с каждой минутой. С расстояния четырех ярдов от моего правого уха до меня доносился равномерный стук, продолжавшийся около часа. Повернув голову, насколько это оказалось возможно, я скосил глаза и увидел деревянный помост высотой в полтора фута и ведущую к нему лестницу. Помост был довольно широким, но вскоре я понял, что он строился всего лишь для одного человечка.

По-видимому, меня решила навестить важная персона.

Взобравшись на помост, знатный господин три раза прокричал: «*Лангро дегиль сан!*» — и веревки, опутывавшие мою голову, были немедленно перерезаны. Я смог внимательно рассмотреть своего гостя. Это была особа мужского пола средних лет, ростом повыше своей свиты; один из сопровождающих, высотой в мой мизинец и по виду паж, держал шлейф вельможи, двое других почтительно замерли по обе стороны. Ко мне обратились с длинной речью, из которой я не понял ни слова, однако звучала она как речь опытного оратора. Человечек долго говорил, угрожающе жестикулируя, пока в его властном голосе не послышались благосклонные нотки; закончил он, как я понял, выражением сожаления и неопределенными обещаниями.

Я дал ему понять, что покорюсь любому его решению, при этом закатил глаза и слегка приподнял руку, как бы призывая небо в свидетели моей искренности и смирения. Меня мучили голод и жажда — в последний раз я ел за несколько часов перед тем, как покинуть корабль. Потому, вопреки этикету, я несколько раз поднес ладонь ко рту, желая показать, что умираю от голода. *Гурго* (так называют в Лилипутии сановников) отлично понял этот жест. Он важно спустился с помоста и тут же приказал меня накормить.

Сейчас же к моим бокам были приставлены лестницы, по которым ко мне на грудь взобралась сотня человечков с корзинами, полными разнообразной еды, — кушанья были приготовлены и доставлены сюда по приказу монарха, правителя Лилипутии, едва до него дошла весть обо мне. Человечки бодро направились к моему рту. В меню входило жаркое, но из каких именно животных, я не разобрал; все эти лопатки, окорочка и филейные части, отменно приготовленные, по вкусу напоминали баранину. Особенность моего завтрака состояла лишь в том, что любое блюдо по объему не превосходило крылышка жаворонка. Я проглатывал сразу по нескольку порций вместе с тремя хлебами, каждый из которых был не больше ружейной пули. Человечки расторопно прислуживали мне, поражаясь моему аппетиту и огромному росту.

Глядя на то, как стремительно пустеют корзины, слуги поняли, что малым я не удовлетворюсь, и поэтому, когда дело дошло до питья, с помощью веревок подняли самую большую бочку, подкатили к моей руке и ловко вышибли дно. Я одним духом осушил всю бочку,

вмещавшую не более полупинты легкого вина, по вкусу напоминавшего наше бургундское. Вторая бочка лишь раззадорила меня, и я попросил добавки, однако, к сожалению, вино закончилось.

Все это время человечки приплясывали на моей груди и вопили: «Гекина дегуль!», показывая знаками, чтобы я ради потехи сбросил обе бочки на землю. Признаюсь, мне с трудом удалось подавить желание схватить первых попавшихся под руку весельчаков и отправить их вслед за пустыми бочками. Но я дал слово вести себя смирно и не хотел новых неприятностей. Кроме того, я считал себя связанным узами гостеприимства с этим маленьким народом, который не пожалел сил и затрат на великолепное угощение.

И следует признать — эти крохотные изобретательные существа были кем угодно, только не трусами. Я должен был казаться им гигантским чудовищем, но они с отчаянным бесстрашием взбирались на меня и разгуливали, оживленно беседуя и не обращая никакого внимания на то, что одна моя рука оставалась свободной и при желании могла бы всех их стереть в порошок.

Как только веселье поутихло, ко мне на грудь в сопровождении многочисленной свиты поднялся посланник короля. Вскарабкавшись наверх, посольство приблизилось к моей голове. Посланник предъявил верительные грамоты, скрепленные королевской печатью, поднеся их к моим глазам, и минут десять что-то энергично говорил, — видимо, здесь любили торжественные речи. В его словах не было ни малейших признаков угрозы, он обращался ко мне с достоинством, то и дело указывая куда-то вдаль; наконец я догадался, что решено доставить меня в столицу королевства, которая, как я узнал позднее, находилась на расстоянии полумили от побережья. Стараясь не задеть сановных лилипутов, я показал жестом, что все еще связан и пора бы меня освободить.

Вероятно, меня поняли, однако важная особа отрицательно покачала головой и, в свою очередь жестикулируя, пояснила, что я останусь пленником, но при этом со мной будут хорошо обращаться, кормить и поить. У меня тут же возникло непреодолимое желание освободиться самостоятельно, но воспоминание о ливне маленьких жгучих стрел, боль от которых я все еще чувствовал, охладило меня, и я покорно опустил веки. Довольные моим смирением, посланник

короля и его свита любезно раскланялись и удалились под всеобщее ликование и громкие крики. Я остался лежать на траве.

Раны на лице и левой руке смазали каким-то приятно пахнущим снадобьем, которое тут же уняло боль и зуд. Затем были перерезаны путы, но только с левой стороны, и я тут же повернулся на правый бок и справил малую нужду, заставив человечков броситься врассыпную от мощного и шумного, как им казалось, потока. Сытый и довольный, вскоре я крепко уснул. Преспал я — как выяснилось потом — около восьми часов, и в этом не было ничего удивительного, потому что лилипутские медики подмешали сонного зелья в обе бочки с вином.

Дело, по-видимому, обстояло так. Как только меня нашли спящим на берегу после кораблекрушения, в столицу без промедления отправили гонца с донесением королю. Тотчас собрался государственный совет, на котором было принято решение лишить меня возможности передвигаться — что и было исполнено ночью, — затем накормить, усыпить и доставить в столицу. Такое решение на первый взгляд может показаться неразумным и слишком смелым, однако я пришел к убеждению, что в подобном случае ни один европейский государственный деятель не поступил бы столь гуманно. В самом деле: допустим, меня бы попытались убить. И что же? Почувствовав уколы от микроскопических стрел, я бы проснулся и в припадке ярости порвал путы, а затем уничтожил все живое, попавшееся мне на глаза.

Среди этого народа имелись превосходные математики и механики. Как я узнал позже, король лилипутов поощрял и поддерживал развитие наук и всяческих ремесел. В местах, где рос лес, здесь строились большие военные корабли — до девяти футов в длину. Затем корабли поднимали на специальные платформы и перевозили к морю, так что опыт сооружения транспортных средств у лилипутов имелся. Инженерам и пятистам плотникам было велено немедленно приступить к строительству крупнейшей из таких платформ. Я еще продолжал спать, когда готовая платформа уже стояла параллельно моему неподвижному телу, вызывая шумное одобрение окружающих. Она имела двадцать две пары колес и достигала семи футов в длину и четырех в ширину, возвышаясь при этом на три дюйма над землей.

Главная трудность заключалась в том, чтобы поднять меня и уложить на помост. Для этой цели — как мне позже рассказали — были вбиты в землю восемьдесят свай вышиною в фут и приготовлены прочные канаты, которые крепились крючьями к многочисленным повязкам, которыми я был спеленут, как младенец. Девятьсот отборных силачей взялись за дело и начали тянуть канаты с помощью блоков, прикрепленных к сваям. Чтобы переместить мое тело, понадобилось не меньше трех часов. Наконец меня уложили на платформу, крепко привязали, и полтысячи самых рослых лошадей, какие только нашлись в королевских конюшнях, повезли меня в столицу.

Мы находились в пути уже четыре часа, когда я проснулся — этому способствовал забавный случай. Повозка остановилась перед небольшим препятствием; воспользовавшись этим, пара молодых лилипутов из любопытства взобралась на платформу и тихонько прокралась к моему лицу. Один из них, очевидно солдат, сунул мне в ноздрю острие своей пики и принялся щекотать, словно соломинкой. Я оглушительно чихнул и открыл глаза. Храбрецов как ветром сдуло, но я проснулся и мог наблюдать все, что в дальнейшем происходило вокруг.

Когда стемнело, мы расположились передохнуть. Но и тогда меня строго охраняли при свете факелов и не давали возможности даже пошевелиться. На рассвете повозка-платформа со скрипом тронулась в путь и уже к полудню находилась в двухстах ярдах от городских ворот. Король и весь двор вышли нам навстречу, однако его величеству в целях безопасности посоветовали не подниматься на мое обездвиженное тело.

На площади, где остановился наш караван, возвышался огромный древний храм. Несколько лет назад этот храм был осквернен убийством, и с тех пор жители столицы перестали ходить туда на службы. Храм закрыли, вынесли из него все убранство, и он долго стоял пустым. В этом здании и решено было меня поместить.

Широкий вход в бывшее святилище давал мне возможность свободно вползти внутрь, что я и сделал, когда меня освободили от дорожных пут. По обе стороны двери на расстоянии каких-нибудь семи дюймов от земли были расположены два оконца; в одно из них придворные кузнецы пропустили девяносто одну цепочку вроде тех, на которых

наши европейские дамы носят свои часики. К моей левой ноге приковали миниатюрные цепи с тридцатью шестью висячими замочками. Напротив моей тюрьмы на расстоянии двадцати футов стояла башня, куда взошел король вместе с придворными, чтобы понаблюдать за мной, — сам же я его не видел. Около ста тысяч лилипутов с той же целью покинули свои дома. Наконец, убедившись, что бежать отсюда я не смогу, меня оставили в покое.

В самом скверном расположении духа я поднялся на ноги и повел плечами, разминая онемевшие мышцы. Тут-то и выяснилось, что прикованные к моей ноге цепочки длиной около двух ярдов позволяют мне не только выходить из храма наружу и прохаживаться, описывая полукруг, но и, вернувшись, без помех укладываться на полу во весь рост.

Глава 2

Пришло время осмотреться, что я и сделал. Окрестности храма представляли собой сплошной пышный сад, а огороженные поля, каждое из которых занимало не более сорока квадратных футов, напоминали цветочные клумбы. Поля чередовались с лесом, где самые высокие деревья, насколько я мог судить, достигали лишь семи футов. Слева лежал город, похожий на пестро раскрашенную театральную декорацию.

Пока я любовался этой необычной картиной, король уже спустился с башни и верхом на лошади направился в мою сторону, едва не поплатившись за подобную смелость. Его отменно выезженный конь при виде меня испугался — вероятно, ему показалось, что на него движется гора. Животное взвилось на дыбы, но король, будучи превосходным наездником, сумел удержаться в седле, пока подбежавшие слуги не схватили коня под узцы и не помогли всаднику сойти. Утвердившись на ногах и сохраняя полное спокойствие, его величество внимательно рассмотрел меня со всех сторон, впрочем не приближаясь. Затем он велел меня накормить и напоить, что тут же было исполнено. Лакеи, бывшие наготове, подкатывали тележки с провизией на расстояние моей вытянутой руки; я быстро опорожнил двадцать тележек с разнообразными кушаньями и десять с винами. Королева, молодые принцы и принцессы вместе с придворными дамами окружили короля, и теперь вся компания наблюдала за мной, затаив дыхание.

О правителе Лилипутии хотелось бы сказать особо, так как позже я с ним неоднократно встречался, а разобравшись в лилипутском наречии, подолгу беседовал, для чего мне приходилось ложиться на бок, а он располагался всего в трех ярдах от моего лица. Когда мы подружились, я даже сажал его величество на ладонь, где король бесстрашно расхаживал, продолжая разговор. Он вполне был достоин своего положения и благополучно правил страной уже более семи лет, окруженный любовью подданных.

Внешность короля была примечательной. Росточком он был повыше своих придворных, с внушительной осанкой, с мужественными и строгими чертами округлого лица. Нос крючковатый, кожа оливковая, нижняя губа слегка оттопырена. Осанка его пропорционально сложенного тела была величественной, движения сдержанными и грациозными. Король уже переступил границу цветущей молодости, однако от него веяло отменным здоровьем и силой. Его одежда была скромной, обычного покроя — нечто среднее между азиатским и европейским стилем; королевскую голову украшал легкий золотой шлем, усыпанный драгоценными камнями, а в руке он держал обнаженную шпагу длиной около трех дюймов, на ножнах и эфесе которой сверкали мелкие бриллианты. Голос у его величества оказался пронзительный, чистый и до такой степени внятный, что даже стоя я мог без труда различать произносимые им слова.

В отличие от короля, придворная свита — а в особенности дамы — были настолько пышно разодеты, что, собравшись вместе, походили на волнующуюся ткань, расшитую золотыми и серебряными узорами.

Наконец его величество, приблизившись, начал задавать вопросы, на которые я пытался отвечать, но, увы, из нашего диалога ничего не вышло — мы совершенно не понимали друг друга. Короля сменили, судя по одежде, священник и юридическое лицо — теперь им было поручено вступить со мной в разговор. Я пробовал говорить на всех языках, с которыми был хоть немного знаком, начал с латыни и закончил немецким, французским и голландским, но все это ни к чему не привело.

Спустя два часа разочарованный королевский двор неспешно удалился, и я был оставлен под усиленным караулом; меня охраняли в первую очередь от любопытствующей и возбужденной толпы лилипутов. Кое у кого из них хватило бесстыдства обстрелять меня из лука, как только я устроился на земле у входа; одна стрела едва не угодила мне в глаз. Рассерженный начальник стражи приказал арестовать стрелков и не придумал ничего лучше, чем, связав, отдать их мне для наказания. Солдаты, толкая несчастных перепуганных преступников в спину древками пик, подогнали их к моим ногам. Я наклонился, сгреб шестерых человечков в руку и положил всех,

кроме одного, в карман камзола. Последнего я поднес ко рту, в шутку сделав вид, что хочу им закусить. Бедняга отчаянно завизжал, а стража пришла в сильнейшее беспокойство, увидев в моих руках еще и нож. Я быстро их успокоил — с ласковой улыбкой посмотрев на пленника, я разрезал связывавшие его веревки и осторожно поставил на землю. Он мигом дал деру. Точно так же я поступил и с остальными лилипутами, по очереди вынимая их из кармана. Толпа пришла в восторг; о случившемся тут же доложили королю, и мое милосердие произвело огромное впечатление при дворе.

С наступлением темноты я не без труда вполз в свою конуру и улегся на каменном полу. И пока для меня изготовлялась постель, мне пришлось в течение двух недель коротать ночи подобным образом. Наконец на повозках доставили шестьсот лилипутских матрасов и внесли их в храм; работа началась. Сто пятьдесят штук сшили вместе — так и образовался один огромный матрас, подходящий для меня. Когда были готовы все четыре, их сложили один на другой, и все-таки мое ложе оставалось ненамного мягче каменных плит. Простыни и одеяла изготовили тем же способом, и они оказались вполне сносными для человека, давно привыкшего к лишениям.

Едва весть обо мне разнеслась по королевству, как отовсюду в столицу начали стекаться любопытные. Близлежащие деревни опустели, полевые работы приостановились, хозяйственные дела пришли в упадок. Все это продолжалось бы еще долго, если бы король своими указами не пресек паломничество. Так, он распорядился, чтобы те, кто уже взглянул на меня, без промедления возвращались домой. Все прочие должны были получать особое платное разрешение в канцелярии, что значительно пополнило королевскую казну.

Между тем сам король все чаще собирал совет, на котором обсуждалась моя судьба. Позднее я узнал от одной знатной особы, посвященной в государственные тайны, что двор находился в большом затруднении и мнения разделились. Одни опасались моего бегства и утверждали, что мое содержание окажется тяжким бременем для страны. Другие намеревались уморить меня голодной смертью или советовали поскорее отправить на тот свет с помощью отравленных стрел. Противники подобного решения возражали, упирая на то, что разложение такого громадного покойника может вызвать чуму,

с которой лилипутам не совладать. Именно в разгар этого спора и явились несколько офицеров из приставленной ко мне охраны, чтобы сообщить о моем благодушном нраве и гуманном поступке по отношению к шестерым слабоумным, которые в меня стреляли.

Король Лилипутии при поддержке всего государственного совета немедленно подписал указ, который обязывал жителей деревень, находившихся в радиусе девятиста ярдов от столицы, каждое утро доставлять на королевскую кухню шесть быков, сорок баранов и другую провизию для моего стола, не забывая о хлебе, вине и чистой воде для питья. Все это оплачивалось из средств его величества. Замечу, что король Лилипутии жил на доходы от своих владений, лишь в редких случаях обращаясь за финансовой помощью к подданным, которые охотно откликались на его просьбы.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ